ТЕОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И СМИ

Вартанова Елена Леонидовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и экономики СМИ, декан факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: eva@smi.msu.ru

Гладкова Анна Александровна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры теории и экономики СМИ, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: gladkova_a@list.ru

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО, ЦИФРОВОЙ КАПИТАЛ, ЦИФРОВАЯ ВКЛЮЧЕННОСТЬ: ДИНАМИКА ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ И ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ[1]

В статье анализируются ключевые теоретические подходы к изучению проблемы цифрового неравенства в зарубежных и отечественных междисциплинарных исследованиях. Особое внимание уделяется переходу от рассмотрения цифрового раскола с точки зрения доступности технологической инфраструктуры к пониманию его как сложной социальной проблемы. Рассматриваются три уровня модели цифрового неравенства в России (доступ, навыки, преимущества от использования цифровых технологий), анализируется роль законодательного регулирования в преодолении этой проблемы российским обществом. Делаются выводы о значимости понимания цифрового неравенства как комплексного явления, с учетом специфики цифрового капитала, цифровой включенности и других явлений в национальном и глобальном масштабах.

Ключевые слова: *цифровое неравенство, цифровой капитал, цифровые технологии, ИКТ, Россия.*

Elena L. Vartanova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Media Theory and Economics, Dean of the Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: eva@smi.msu.ru

Anna A. Gladkova, PhD in Philology, Leading Researcher at the Chair of Media Theory and Economics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: gladkova_a@list.ru

DIGITAL DIVIDE, DIGITAL CAPITAL, DIGITAL INCLUSION: DYNAMICS OF THEORETICAL APPROACHES AND POLITICAL DECISIONS

This paper examines the key theoretical approaches to studying the problem of the digital divide in foreign and Russian interdisciplinary research. Special attention is given to the transition from viewing the digital divide in terms of access

to technological infrastructure to understanding it as a complex social problem. The authors consider three levels of the digital divide model (access, skills and benefits from using digital technologies), analyze the role of legal regulation in the capacity of Russian society to overcome this problem. They draw a conclusion about the importance to understand the digital divide as a complex issue, with regard to specifics of digital capital, digital inclusion and other phenomena on the national and global scale.

Key words: *digital divide, digital capital, digital technologies, ICTs, Russia.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2021.329

Введение

Влияние информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на развитие медиа и общества в целом было предметом теоретического осмысления на протяжении всего XX в. Рассматривая ИКТ как активную силу преобразования общества, ученые предполагали, что развитие информационной среды способно не только изменить производительные силы и экономические ресурсы, но и трансформировать социальные практики, культуру, самого человека (Bell, 1960; Toffler, 1980; Землянова, 1995). Во второй половине XX в., по мере изменения общества под воздействием прогресса информационных технологий, в академическую среду и политику устойчиво вошло понятие информационного общества, в котором роль информационных технологий и цифровых медиа становится определяющей для всех сфер общественной жизни (Masuda, 1981; Castells, 1996; Webster, 1997).

Идея информационного общества как нового этапа социального развития вызвала горячие дискуссии по многим причинам, поскольку в нем проявились не только новые возможности, но и новые проблемы, вставшие на пути общественного прогресса. Одной из наиболее актуальных среди них стало «цифровое неравенство», или «цифровой разрыв» (от англ. термина *digital divide*), под чем понимается неравномерный и неравный доступ стран, социальных групп и отдельных пользователей к сетевой телекоммуникационной инфраструктуре, цифровым устройствам, услугам и контенту, что является следствием комплекса разных причин технологической, экономической, социально-политической, индивидуальной природы, ограничивающих возможности людей во всех сферах их жизни (van Dijk, 2013; Ragnedda, 2018).

Основные этапы теоретического осмысления цифрового неравенства

Проблема цифрового неравенства попала в фокус внимания исследователей, работающих в области социальных наук, более тридцати лет назад. Это было связано не только с академическим интересом, но и с потребностями экономического и политического развития современного общества. Уже с середины 1990-х гг. во многих регионах мира был провозглашен переход к «информационному обществу» и начали формулироваться национальные и региональные комплексные стратегии этого перехода[2, 3] (см., например, Dutton, Blumler, Garnham et al., 1995).

В возникавшем информационном обществе ставилась приоритетная задача обеспечения всех граждан доступом к телекоммуникационной инфраструктуре (информационным супермагистралям в контексте США), услугам и контенту в целях устойчивого и гармоничного развития[4] (Землянова, 2004: 167–168). Тем самым вопрос информационного равенства стал неотъемлемой частью новых стратегий общественного развития уже на стадии их формирования. Следует отметить, что академические взгляды на природу, причины и формы информационного, а впоследствии и цифрового неравенства с течением времени претерпевали изменения, что всегда приводило к корректировке политики разных стран по его преодолению. Проблему цифрового неравенства изначально отличала взаимосвязь академических исследований с политическими стратегиями перехода к информационному обществу и с программами преодоления цифрового неравенства (Trappel (ed.), 2019).

За время существования проблемы цифрового неравенства теоретические взгляды не нее постоянно трансформировались. На *первом этапе* ее изучения исследователи делали акцент на неравномерном доступе граждан к Интернету и ИКТ, приводящем в результате к неравному доступу к онлайновым сервисам, информации и знаниям (van Dijk, 2013). Проблема цифрового раскола рассматривалась на этом этапе преимущественно в рамках полярных концепций доступа и отсутствия доступа определенных групп общества и индивидуумов к сетевой инфраструктуре (Compaine, 2001). Хотя уже на первом этапе исследователям было ясно, что именно комплекс разнообразных факторов – таких как разный уровень экономического развития стран и регионов мира, особен-

ности геополитического, социокультурного характера, специфика государственного регулирования и медиаполитики, особенности языкового и этнического состава населения и другие – может оказывать заметное влияние и на уровень доступа граждан к ИКТ, и на особенности использования ИКТ в этих странах (Ragnedda, Muschert, 2013).

Важной теоретической рамкой для осмысления цифрового неравенства на первом этапе стал прежде всего политэкономический подход. В начале 2000-х гг., анализируя роль цифровых технологий в обществе, П. Норрис называла их «ящиком Пандоры, открывающим новые неравенства власти и богатства, что углубляет различия между информационно богатыми и бедными, подключенными и неподключенными, активными и пассивными» (Norris, 2001: 13).

В значительной мере этот подход продолжал дискуссии ЮНЕСКО о необходимости нового международного информационного порядка (НМИП), активно развивавшиеся в 1970–1980 гг. Выступая против несбалансированных потоков информационных технологий и новостей от экономически развитых к развивающимся государствам, от глобальных политических центров к периферийным странам, ЮНЕСКО требовала преодоления информационного неравенства на глобальном уровне. Став одной из центральных в рамках политэкономического подхода, концепция информационной бедности, детерминированная отсутствием доступа к ИКТ, способствовала росту эмпирических исследований цифровых разрывов не только в странах и регионах, но и между социальными группами, выделенными на основе традиционных социально-экономических показателей: доход, образование, гендер, возраст, раса, этническая принадлежность (Sparks, 2013).

Несмотря на усилия международных организаций и множества государств преодолеть проблему доступа, неравенства, обозначенные на первом этапе изучения цифрового неравенства, все еще сохраняют актуальность. Недавняя статистика *GfK*, *Mediascope*, *We Are Social/Hootsuite*, *Speedtest Global Index*, эмпирические исследования цифрового раскола между странами – в том числе между Глобальным Севером и Глобальным Югом (Mutsvairo, Ragnedda, 2019; Ragnedda, Gladkova, 2020) – показывают, что цифровое неравенство на уровне доступа и использования ИКТ по-прежнему актуально для глобального сообщества.

С другой стороны, уже на первом этапе стало очевидно, что доступ индивидуумов к технологиям и устройствам – это только один из аспектов нового типа неравенства. Продолжая идею М. Кастельса о тесной связи общественной жизни и экономики с цифровой инфраструктурой, которая, в свою очередь, становится основой для электронной экономики, цифровых рынков и финансов, электронной демократии и цифрового общества (Castells, 2001), Б. Уэссельс отмечал: «Для того чтобы экономика была конкурентоспособной на мировом рынке, она должна быть подключена к цифровой инфраструктуре, и ей необходима рабочая сила, обладающая образованием и навыками для работы в электронной экономике» (Wessels, 2013: 21). Впоследствии эта мысль привела к формулированию новых требований к человеческому капиталу, в том числе требований к образованию, социальной вовлеченности людей, их готовности к новым культурным практикам в цифровой среде (Park, 2017; Вартанова, Гладкова, 2020).

С течением времени цифровое неравенство стало пониматься не просто как проблема доступа к Интернету и цифровой инфраструктуре, а как сложное явление междисциплинарной природы, определяемое политическим, экономическим и культурным контекстом развития общества. На *втором этапе* изучения цифрового неравенства исследователи начали рассматривать цифровой раскол как комплексный социальный вызов, включающий в себя разные типы и формы неравенства – от традиционных экономических до культурных и антропологических (Ragnedda, Muschert, 2013; Vartanova, Gladkova, 2019). Стало очевидно, что технологические разрывы детерминируются «социальными и культурными нормами общества и существует длинная историческая траектория того, как человеческая раса охватывала и развивала технологии с течением времени» (Park, 2017: 6). Многие исследования выявили, что цифровой разрыв не является статичным явлением, а постоянно реагирует на актуальные общественные процессы – в том числе неравномерное распространение доступа к Интернету в разных регионах мира, рост электронной коммерции и электронной демократии, изменение поведения аудитории в цифровой среде и т. д. (van Dijk, 2013; Ragnedda, Muschert, 2013).

В исследованиях этого периода появилась мысль о том, что политика, направленная на преодоление существующего цифрового неравенства, должна быть нацелена в первую очередь на создание

«цифровой включенности» – как в технологической, так и в экономической и пользовательской формах. Целенаправленная стратегия преодоления цифрового разрыва на этом этапе осмысливалась с учетом социальных и культурных последствий применений цифровых ИКТ, о чем заговорили исследователи в конце 2000 – начале 2010-х (Nieminen, 2016; Sparks, 2013). Высказывались опасения, что все более широкое использование ИКТ в бизнесе, не подкрепленное формированием навыков их применения в социальной и бытовой жизни, приведет к расширению цифровых разрывов внутри общества и между странами, а в сочетании с продолжающейся социально-экономической поляризацией может привести к обострению социального неравенства в мире (Nieminen, 2016).

Если доминантой исследований первого этапа изучения цифрового неравенства была проблема доступа, то на втором этапе была отчетливо сформулирована проблема навыков пользователей (Acharya, 2017). Причем в ней появились такие аспекты, как технологические навыки, информационно-аналитические навыки, личная осведомленность, мотивация пользователей и готовность к постоянному переобучению (Park, 2017: 213–220).

На *третьем этапе* исследования цифрового неравенства исследовательское внимание переместилось на анализ его новых форм, вызванных развитием и проникновением Интернета, и их негативных последствий для общества и индивидуумов (Vartanova, Gladkova, 2019). Как следствие, было артикулировано социальное значение политики по преодолению цифрового неравенства, способной формировать у пользователей новый уровень цифровой грамотности, компетентности, дать им новые преимущества в гражданской, профессиональной и личной жизни (van Deursen, van Dijk, 2018). Эмпирические исследования цифрового неравенства в разных странах и социальных группах подтвердили, что политика, направленная на преодоление цифрового разрыва только за счет расширения доступа к инфраструктуре, не может быть полностью эффективной (Park, 2017: 35). Немаловажную роль в этом контексте начали играть и «новые цифровые разрывы», связанные с мотивацией пользователей, их потребностью в технологиях в зависимости от профессиональной принадлежности и социодемографических характеристик людей (возраст, уровень образования и доходов, регион проживания, этническая принадлежность) (Vartanova, Gladkova, 2019).

В этой связи было выявлено, что даже при схожем уровне доступа к технологиям и цифровых навыков (т. е. при условии преодоления первых двух этапов цифрового неравенства) эффективность использования ИКТ, а также социальные преимущества, которые пользователи получают от этого использования, могут заметно различаться (Ragnedda, 2018). Под социальными преимуществами здесь понимаются профессиональная успешность человека, более высокий статус в обществе, новые возможности для самореализации, активного участия в жизни общества, проявления своей гражданской позиции и т. д. (van Deursen, van Dijk, 2018; van Deursen, Helsper, 2015).

На третьем этапе исследования цифрового неравенства в фокусе внимания исследователей оказались, таким образом, новые аспекты цифрового раскола, а именно неравенство, связанное с разным уровнем цифрового капитала граждан и разным уровнем их цифровой включенности.

Интерес исследователей к проблеме цифрового неравенства, возникший в начале 2000-х гг., сегодня не сократился, а, напротив, возрос. Метаанализ научных статей на тему цифрового неравенства в академических журналах, проведенный канадским исследователем Бхану Бхактой Ачарьей в 2017 г., показывает, что к концу XX в. число таких работ составило более 14 тысяч (Acharya, 2017: 46). В этих работах вектор исследовательского интереса очевидно смещается с технологической проблемы доступа к ИКТ на более сложные вопросы: цифровую включенность граждан, цифровой капитал как форму человеческого капитала, макро- и микроиндикаторы цифрового неравенства с учетом национальной и региональной специфики стран, методики эмпирического измерения цифровой включенности и цифрового капитала и другие аспекты, речь о которых пойдет далее.

От цифрового неравенства к цифровому капиталу

Как уже было отмечено, несмотря на сохраняющуюся актуальность проблемы цифрового неравенства в глобальном и национальных контекстах, внимание исследователей в последние годы перемещается на новые формы цифрового разрыва, вытекающие не из неравного доступа к Интернету или недостаточных навыков использования цифровых технологий. Исследователи считают, что цифровое неравенство препятствует формированию цифрового

капитала пользователей (Ragnedda, Ruiu, 2020), их цифровой включенности (Alper, Goggin, 2017). Под цифровым капиталом сегодня исследователи понимают интегральную совокупность доступа пользователей к цифровым информационным технологиям, цифровой коммуникационной среде (прежде всего к Интернету) и умения применять их для достижения социальных, профессиональных и личных целей. Цифровой капитал необходимо рассматривать как своего рода интегральный капитал, объединяющий компетенции преодоления трех уровней цифрового неравенства – первого (доступ к технологиям), второго (цифровые навыки и компетенции) и третьего (социальные преимущества использования цифровых технологий) (Ragnedda, 2018; Вартанова, Гладкова, 2020).

Определяя цифровую включенность, исследователи выделяют три ее ключевые составляющие – цифровой доступ, цифровые навыки и цифровую вовлеченность, совокупность которых формирует цифровую включенность конкретных индивидуумов и групп пользователей (Helsper, 2008; Gladkova, Argylov, Shkurnikov, forthcoming). Сохраняющееся цифровое неравенство на всех трех уровнях – доступ, навыки, преимущества от использования ИКТ – как внутри отдельных стран, так и в глобальном масштабе (Ragnedda, Gladkova, 2020); возрастающая необходимость в новых цифровых компетенциях, обусловленная расширением пространства цифровой медиакоммуникации в политической и культурной жизни общества; актуализация задач в области медиаобразования, направленного на формирование нового типа грамотности современного «человека медийного», – эти и многие другие факторы обуславливают значение цифрового капитала в современных социальных реалиях и важность специальных мер, направленных на повышение уровня цифрового капитала и связанной с ним цифровой включенности у граждан.

Нельзя не согласиться с авторами, утверждающими, что цифровой капитал имеет тесную связь с другими видами капитала – социальным, культурным, политическим и другими (Ragnedda, 2018). Учитывая, что цифровые медиакоммуникации и построение социальных сетей в цифровом пространстве сегодня невозможны без наличия у человека соответствующих цифровых компетенций и навыков (Вартанова, 2019), значимость цифрового капитала для социальной реализации человека сложно переоценить.

Нам представляется также, что цифровой капитал сегодня должен рассматриваться не только как отдельный, самостоятельный вид капитала, во многом обуславливающий успешность современного человека в профессиональном, общественном и личном смыслах, но и как метакапитал, влияющий на уровни обладания другими нематериальными капиталами и использования их (Вартанова, Гладкова, 2020). Очевидно, что коммуникативный и информационный капитал в настоящее время уже неразрывно связан с цифровым капиталом, возможно, даже напрямую им определяются. Как показывают современные исследования, другие виды капитала также от него зависят, в частности социальный капитал, опирающийся на сети социальных связей, которые сами все больше формируются социальными медиа (Фомичёва, 2015), и культурный капитал, накопление которого связано с навыками социализации – процессом, все более перемещающимся в виртуальную медиакоммуникационную среду (Дунас, Вартанов, 2020).

Важной особенностью цифрового капитала, по нашему мнению, выступает его гибридный характер, интегрирующий в рамках одной формы капитала два значимых фактора – доступ к цифровым технологиям (первый уровень цифрового неравенства) и умение эффективно использовать эти технологии (второй уровень), т. е. фактически материальные и нематериальные свойства.

Продолжая эти подходы, мы предлагаем рассматривать преодоление трех уровней цифрового неравенства и формирование цифрового капитала пользователей, являющегося капиталом интегральной природы, как важный социальный процесс, который объединяет взаимодействие различных сторон социальной жизни и механизмов их деятельности. В их числе:

а) *инструменты регулирования* (глобальное и национальное регулирование, информационная и медиаполитика, возможности государственно-частного партнерства);

б) *механизмы политической среды* (признание права на доступ к ИКТ актуальным правом человека, открытость органов государственного управления, культура гражданского участия в цифровой среде);

в) *цифровая включенность пользователей* (доступность цифровой инфраструктуры, создание материальных возможностей для формирования цифровых навыков, борьба с тремя уровнями цифрового неравенства);

г) *цифровая медиакультура* (цифровая и медиаграмотность, информационная безопасность, осознанность пользовательского запроса в цифровой среде, наличие в цифровой среде адекватных сервисов и контента, мотивация и вовлеченность пользователей в процессы коммуникации, этика).

Очевидно, что политика по преодолению цифрового неравенства и формирования у пользователей цифрового капитала должна носить комплексный характер, предполагая участие различных стейкхолдеров, и может формироваться в публичном поле с обязательным участием государственных структур, бизнес-сообщества, общества (Ragnedda, Muschert, 2013). Моделей такой политики может быть много – в зависимости от национальной специфики: уровня технологического и экономического развития страны, особенностей ее законодательства, роли государства и бизнеса в решении актуальных задач общества, политических и культурных традиций, состояния медиаиндустрии.

В современной России вопросы преодоления цифровых разрывов и повышения уровня цифрового капитала, как и во многих странах мира, сохраняют актуальность, при этом представляется возможным говорить об уникальной модели цифрового неравенства и, как следствие, о специфически национальных инструментах его преодоления. Протяженность территории и сложность климатических условий, мультиэтничность и мультикультурность российского общества, неравномерность экономического и технологического развития регионов, неоднородность проникновения Интернета в городах, деревнях, местах традиционного проживания коренных малочисленных народов России, существенная разница в стоимости Интернета и скорости доступа к нему на западе и востоке страны, наличие или отсутствие программ по повышению цифровой грамотности населения в регионах, специфика региональной политики по ликвидации цифрового разрыва и другие факторы, свойственные российским регионам, актуализируют значимость работы по повышению цифрового капитала российских интернет-пользователей.

Российская модель цифрового неравенства

После распада СССР в 1991 г. Россия столкнулась со всеми видами цифрового неравенства – от практически нулевого проникновения Интернета и телекоммуникационной инфраструктуры

в стране до низкого уровня информационной и цифровой грамотности населения (Deviatko, 2013: 119-128). Развитие Интернета и цифровых медиа ознаменовало собой новый этап общественно-политической и культурной жизни в постсоветской России. В середине 1990-х гг. доступ к Интернету получили жители крупных промышленных городов европейской части страны, а уже в середине 2000-х цифровые технологии стали доступны большинству городского населения России. Настоящий прорыв случился в начале 2010-х гг., когда количество интернет-пользователей превысило половину населения страны, а среднее число пользователей мобильной связи практически сравнялось с численностью населения (Вартанова (ред.), 2015; Deviatko, 2013: 120–127).

Сегодня, по данным *Mediascope*, Интернетом в России хотя бы раз в месяц пользуются 95 млн человек или 78% населения страны старше 12 лет. Смартфон остается главным устройством для выхода в Интернет – им пользуются 67% россиян. С помощью стационарных компьютеров и ноутбуков в Интернет выходит 51% населения, планшетов – 17%, Смарт ТВ – 15%[5]. Актуальным трендом весной 2020 г. стал рост времени использования Интернета, связанный с переходом на режим самоизоляции. По данным *WEB-Index*, в апреле 2020 г. пользователи старше 12 лет каждый день проводили в Интернете на 12% больше времени, чем в марте этого же года. Время использования Интернета выросло во всех возрастных группах, но сильнее всего – в аудитории 12–24 лет (+16%). В период самоизоляции пользователи стали больше проводить времени в Интернете как на десктопе – в среднем 1 час 51 минуту каждый день, так и на мобильных устройствах – 3 часа 6 минут[6], что помимо прочего было обусловлено переходом на дистанционный режим работы и учебы.

В настоящее время разница между регионами Российской Федерации по уровню доступа в Интернет не столь значительна, как в начале 1990-х, но тем не менее заметна. В апреле 2020 г. Росстат опубликовал итоги исследования подключения домашних хозяйств в регионах РФ, согласно которому из 55,4 млн домохозяйств доступ к Интернету имеют 76,9%; к широкополосному доступу – 73,6%. За год показатели в среднем по России почти не изменились: годом ранее Росстат насчитал 76,6% подключенных к Интернету домохозяйств и 73,2% – к широкополосному доступу. При этом в ряде регионов, по данным Росстата, изменения произошли весьма существенные: так, проникновение широкопо-

лосного доступа в Чеченской Республике выросло за год с 50,2 до 72,7%, в Республике Саха (Якутия) – с 62 до 77,6%, в Кабардино-Балкарской Республике – с 66,7 до 82,9%[7]. Пятерка лидирующих регионов РФ по проникновению широкополосного доступа сегодня выглядит следующим образом: Ямало-Ненецкий автономный округ – 93,9%, Магаданская область – 86,7%, Москва – 86,6%, Оренбургская область – 86,1% и Тульская область – 85,2%. Наиболее низкие результаты у Рязанской области – 56,6%, Республики Калмыкия – 56,2%, Курганской области – 56%, Республики Хакасия – 53,5% и Чукотского автономного округа – 50,6%[8].

Цифровое неравенство первого уровня сохраняется в России и применительно к стоимости доступа в Интернет. Так, например, по данным на декабрь 2020 г., наиболее доступный тариф Ростелекома для домашнего Интернета со скоростью 100 Мбит/сек в Москве стоит 390 руб/месяц[9], в то время как тариф с аналогичным пакетом Интернета в Якутске стоит уже 950 руб/месяц[10]. Аналогичная ситуация прослеживается и при анализе стоимости тарифов мобильной связи: стоимость тарифа МТС с включенными 50 ГБ на остальные ресурсы и безлимит на соцсети в Москве составляет 650 руб/месяц[11], в то время как в Якутске аналогичный тариф за ту же стоимость предлагает только 25 ГБ и меньшее число включенных в тариф минут и смс[12].

Актуальное исследование аналитического центра НАФИ продемонстрировало разницу между регионами РФ и на втором уровне цифрового неравенства – цифровой грамотности и цифровых навыков пользователей. В рамках исследования анализ цифровых компетенций производился по пяти основным параметрам: информационная грамотность (навыки поиска информации в Интернете, навыки работы с различными видами данных и оценки достоверности сообщений в сети), коммуникативная грамотность (умение пользоваться различными видами онлайн-сервисов и электронных устройств, соблюдение норм общения в сети), создание цифрового контента (умение создавать и редактировать цифровой контент, навыки работы с авторскими правами в сети), цифровая безопасность (умение оценивать риски социальной инженерии и онлайн-мошенничества при работе в цифровом пространстве, знание мер по обеспечению безопасности персональных данных, понимание негативного влияния, которое цифровые устройства оказывают на окружающую среду, физическое и психическое здоровье человека), навыки решения проблем в цифровой среде (навыки пользования

мобильными приложениями и компьютерными программами для выполнения повседневных задач, постоянное расширение знаний в сфере цифровых технологий).

Общий индекс цифровой грамотности россиян в первом квартале 2020 г. составил 58 пунктов по шкале от 0 до 100[13]. При этом исследование продемонстрировало корреляцию между уровнем цифровой грамотности россиян и регионом их проживания. Самыми низкими показателями цифровой грамотности обладают жители Южного и Северо-Кавказского федерального округа. Жители Северо-Западного федерального округа, напротив, демонстрируют более высокие показатели различных аспектов цифровой грамотности, чем в целом по стране (табл. 1).

Таблица 1

Индекс цифровой грамотности,
в процентных пунктах, по федеральному округу

Федеральный округ	**ЦФО**	**СЗФО**	**ЮФО**	**СКФО**	**ПФО**	**УФО**	**СФО**	**ДФО**
Индекс цифровой грамотности	**59**	**64**	**56**	**55**	**56**	**56**	**61**	**57**
Информационная грамотность	58	64	58	59	56	58	61	54
Коммуникативная грамотность	63	66	59	58	60	58	65	66
Создание цифрового контента	54	58	49	49	50	51	56	51
Цифровая безопасность	60	65	58	58	58	58	60	58
Навыки решения проблем в цифровой среде	57	66	55	54	56	56	61	57

Источник: НАФИ, 2020

Результаты исследования указывают также на то, что в целом уровень цифровой грамотности в российских столицах выше, чем в среднем по стране (62 против 58 пунктов), а в селах и поселках городского типа – ниже (55 пунктов)[14]. Эти данные коррелируются с проведенным в 2020 г. исследованием цифрового капитала российских интернет-пользователей (Gladkova, Vartanova, Ragnedda, 2020), продемонстрировавшим взаимосвязь между

уровнем цифрового капитала и размером населенного пункта, в котором проживали участники исследования. Было выявлено, что пользователи, проживающие в более крупных городах, имели более высокий уровень цифрового капитала по сравнению с теми, кто проживает в небольших городах и сельской местности.

В этом же исследовании (Gladkova, Vartanova, Ragnedda, 2020) было выявлено, что цифровой капитал пользователей, которые определили свою национальную принадлежность как русские, несколько выше, чем аналогичный показатель у пользователей, отметивших свою принадлежностью к другим этническим группам (татары, башкиры, чуваши, якуты и другие). Цифровое неравенство третьего уровня было отмечено и в ряде актуальных работ, измеряющих цифровую включенность разных этнических групп, в частности русских и якутов (Gladkova, Argylov, Shkurnikov, forthcoming). Было обнаружено, что общий индекс цифровой включенности (*digital inclusion index*), как и входящие в его состав субиндексы цифрового доступа (*digital access*), навыков (*ICT skills*) и вовлеченности (*digital engagement*) у якутов несколько ниже, чем у русских.

Разница в уровне цифрового капитала и цифровой включенности у представителей разных этнических групп определяется, на наш взгляд, не самой этнической принадлежностью пользователей, а скорее детерминантами «объективного характера» (Gladkova, & Ragnedda, 2020). В рамках данного анализа мы предлагаем разделить их на две основные группы:

- детерминанты макроуровня (географические особенности и климат страны/региона; уровень экономического развития страны/региона; уровень жизни людей; особенности расового, этнического, языкового состава населения; специфика государственного регулирования; особенности социальной политики и культурные традиции страны/региона);
- детерминанты второго уровня (наличие инфраструктуры; стоимость и скорость доступа в Интернет; приоритеты медиаполитики; уровень цифровой открытости государственной власти; наличие специальных программ по устранению цифрового неравенства; уровень цифровой грамотности; структура и целевые программы медиаобразования).

Представляется, что совокупность данных факторов, а также уникальные культурные, языковые и этнические особенности российского общества, объединяющего представителей свыше 190 этнических

групп, которые говорят более чем на 170 языках, позволяет говорить об *особой российской модели цифрового неравенства*. Предыдущие исследования показывают, что многие этнические группы в России сегодня сталкиваются с ограниченным доступом к цифровым технологиям и Интернету, в том числе в силу географического фактора расселения, или/и довольно часто не имеют цифровых компетенций и навыков использования ИКТ (Гладкова и др., 2018), что отчасти подтверждается приведенными выше исследованиями цифрового разрыва с фокусом на этнических группах (Gladkova, Vartanova, Ragnedda, 2020; Gladkova, Argylov, Shkurnikov, forthcoming). При этом, как указывают исследователи, цифровое неравенство между этническими и языковыми группами в России препятствует развитию гражданского общества, осознанному принятию решений, а также сохранению этнической культуры и идентичности посредством технологически современных медиакоммуникаций (Вартанова, 2018).

Преодоление цифрового неравенства в России: роль государства

В связи с тем, что цифровое неравенство в России в значительной степени детерминируется спецификой российского общества, пути его преодоления неразрывно связаны с законодательной деятельностью государства.

Особую роль играют национальные стратегии Российской Федерации, направленные на поддержку этнического, культурного и языкового равноправия в полиэтнических российских регионах. Реализация этих стратегий происходит сегодня под влиянием факторов различного характера, в том числе: а) факторов макроуровня, таких как состояние технологического и экономического развития региона (уровень распространения широкополосного доступа и проникновения Интернета в домохозяйствах, специфика региональной политической культуры, состояние системы образования и другие); б) факторов микроуровня, таких как открытость региональной медиасистемы (Вартанова (ред.), 2015).

Традиционно большое значение имеет государственная медиаполитика, выражающаяся в юридической и финансовой поддержке онлайн- и офлайн-коммуникации и СМИ на языках малых народов России (Gladkova et al, 2019), сохранении единства в многонациональном российском обществе (Nordenstreng, Zassoursky,

Vartanova, 2002). Отдельно следует упомянуть выработку целенаправленной политики по ликвидации цифрового неравенства в стране – на всех трех его уровнях. Федеральная программа по устранению цифрового неравенства, региональные программы («О стратегии социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) на период до 2035 года» и другие), многочисленные локальные проекты в регионах («ИТ-стойбище» в Югре, обеспечивающее доступ к широкополосному Интернету жителей, ведущих кочевой образ жизни; «Цифровой Мичуринск» в Хабаровском крае, объединяющий все необходимые для комфортной жизни телекоммуникационные услуги в области образования, медицины, бизнеса и досуга; «Вилюйский экспресс» в Якутии, в рамках которого были проложены линии оптоволокна и предоставлен доступ к высокоскоростному Интернету в улусных районах республики и т. д.) – все эти государственные документы вносят значительный вклад в выработку мер по преодолению цифрового неравенства, которое, как показывают современные исследования, по-прежнему остается актуальной проблемой в полиэтнических регионах РФ.

Очевидно, что в российском обществе преодоление цифрового неравенства является важной задачей не только технологического, но и социального и культурного характера. Предоставление всем гражданам равного доступа к Интернету и ИКТ в условиях мультикультурности и многонациональности страны; обеспечение возможности освоения цифровых технологий и инфраструктуры всеми гражданами вне зависимости от региона проживания, этнической принадлежности, вероисповедания и других социодемографических характеристик; повышение уровня цифрового капитала и цифровой включенности российских интернет-пользователей разных возрастов – все это можно сегодня рассматривать как важные инструменты построения нового общества, в котором все граждане страны имеют равную свободу выражения мнений, равный доступ к информации, равные цифровые навыки и, как следствие, равные возможности для самореализации и эффективной деятельности в условиях современной цифровой среды.

При этом вопросы преодоления цифрового неравенства и повышения уровня цифрового капитала приобретают сегодня статус не только теоретической, но и практикоориентированной проблемы, решение которой должно быть принято на уровне государственных программ и законодательства. Анализ актуальных федеральных

и локальных документов, регламентирующих процесс цифровизации и внедрения цифровых технологий в России (табл. 2), свидетельствует об активной работе государства по развитию информационного общества за счет улучшения доступа к ИКТ, повышения цифровых компетенций и цифровой грамотности пользователей – как на федеральном, так и на региональных уровнях.

Таблица 2

Ключевые федеральные законодательные документы РФ в области цифровизации

Федеральные документы, регламентирующие процесс цифровизации и внедрения цифровых технологий в РФ	**Год принятия**
Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»	2006
Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года (п.12. Повышение грамотности населения в области информационных технологий)	2013
Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» (Задача по устранению цифрового неравенства между жителями городского и сельского населения была поставлена в Федеральном законе (ФЗ) «О связи». 3 февраля 2014 года Президент РФ Владимир Путин подписал ФЗ № 9 «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи», который предусматривает создание точек доступа в населенных пунктах численностью от 250 до 500 человек и предоставление населению доступа к интернету на скорости не менее 10 Мбит/с.)	2014
Постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы «Информационное общество (2011–2020 годы)»	2014
Приказ Минкомсвязи России «О проведении открытого конкурса на право заключения государственного контракта на выполнение научно-исследовательской работы по теме: «Оценка текущего состояния и перспектив изменения уровня медиаграмотности населения Российской Федерации на основе национального мониторинга медиаповедения. Разработка критериев углубленной оценки медиаграмотности населения, включающей качество потребления информации»	2014
Приказ Минкомсвязи России «Об утверждении Перечня сайтов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», доступ к которым предоставляется оператором универсального обслуживания бесплатно»	2015
Указ Президента РФ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»	2017

Источник: Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации; КонсультантПлюс

В рамках преодоления третьего уровня цифрового неравенства и повышения цифрового капитала и цифровой включенности российских граждан представляется необходимой выработка релевантных и репрезентативных методологических подходов и индикаторов, позволяющих измерить индивидуальный уровень цифрового капитала и цифровой включенности. Ранее уже проводились подобные исследования (Helsper, 2008; Ragnedda, Ruiu, Addeo, 2019; Gladkova, Vartanova, Ragnedda, 2020; Gladkova, Argylov, Shkurnikov, forthcoming), однако сегодня необходимо дополнить их более широким и комплексным подходом, концептуализируя цифровое неравенство третьего уровня в более широком социально-политическом контексте конкретных регионов страны.

Таблица 3

Ключевые документы регионов РФ в области цифровизации

Регион	Год принятия	Название документа, регламентирующего процесс цифровизации и внедрения цифровых технологий
Татарстан	2003	Указ президента Республики Татарстан об основах государственной политики Республики Татарстан в области информатизации и связи
Татарстан	2007	Закон Республики Татарстан об информационных системах и информатизации Республики Татарстан
Татарстан	2013	Государственная программа «Развитие информационных и коммуникационных технологий в Республике Татарстан «Открытый Татарстан» на 2014–2022 годы (с изменениями на 25 июня 2020 года)
Татарстан	2016	Стратегия развития отрасли информатизации и связи Республики Татарстан на 2016–2021 годы и на период до 2030 года
Республика Саха (Якутия)	2019	О государственной программе Республики Саха (Якутия) «Развитие информационного общества на 2020–2024 годы»
Республика Саха (Якутия)	2020	Указ Главы Республики Саха (Якутия) «О Стратегии социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) на период до 2035 года»
Республика Крым	2015	Приказ Минкомсвязи России «Об утверждении требований к порядку пропуска трафика в сетях фиксированной телефонной связи на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя с учетом их социально-экономических особенностей»

Окончание таблицы 3

Республика Крым	2015	Приказ Минкомсвязи России «О внесении изменений в приказ Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 28.10.2015 № 428 «Об утверждении требований к порядку пропуска трафика в сетях фиксированной телефонной связи на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя с учетом их социально-экономических особенностей»
Калининградская область	2011	Постановление Правительства Калининградской области «О целевой программе Калининградской области «Развитие информационного общества в Калининградской области на 2011–2014 годы»
Москва	2012	Московская декларация о медиа- и информационной грамотности

Источник: Министерство цифрового развития государственного управления, информационных технологий и связи Республики Татарстан; КонсультантПлюс; Гарант.Ру

Одним из инструментов понимания реальной ситуации цифрового неравенства в конкретных локациях может стать «цифровой паспорт региона», дающий возможность проанализировать проблему по комплексу показателей и выработать на этой основе специальные меры по преодолению проблемы.

В перечне таких показателей мы предлагаем использовать следующие: национально-демографические данные (состав и численность населения региона, наличие титульных наций, языки и т. д.); имеющиеся правовые документы (федеральные и локальные документы, регламентирующие процесс цифровизации и внедрения цифровых технологий, приоритетные направления цифровизации в регионе, наличие или отсутствие специальных программ по устранению цифрового неравенства); цифровая насыщенность региона (средняя скорость и стоимость доступа в Интернет, объем среднесуточной аудитории Интернета, статистика пользования цифровыми ресурсами по региону); цифровая грамотность региона (уровень цифровой грамотности населения, уровень компьютеризации региона, активность глав субъектов и их диалог с населением в социальных сетях, востребованность государственных услуг онлайн).

Создание и использование подобного «паспорта» для различных субъектов РФ может способствовать решению триединой задачи: 1) измерение цифрового капитала как на индивидуальном, так и на более сложном региональном уровне; 2) анализ его струк-

туры (индексы цифрового капитала, предложенные исследователями, – индекс уровня доступа к цифровым технологиям (*Digital Access Index*) и индекс уровня цифровых компетенций пользователей (*Digital Competence Index*) (Ragnedda, Ruiu, Addeo, 2019); 3) корректировка ситуации в целях повышения уровня цифрового капитала, с использованием инструментов законодательного регулирования и частно-государственного партнерства, инвестирующего в технологическую инфраструктуру, а также медиаобразования и информационной/цифровой грамотности населения региона (Вартанова, 2019).

Заключение

Дальнейшие исследования в области цифрового неравенства, цифрового капитала и цифровой включенности должны, на наш взгляд, фокусироваться на следующих перспективных, но к настоящему моменту малоизученных теоретических и научно-практических направлениях. Это исследование цифрового капитала как формы гибридного (материальный и нематериальный) и интегрального (объединяющего уже выделенные ранее формы) капитала (доступ, грамотность и навыки пользователей), а также связанное с ним исследование природы и структуры цифрового капитала (индексы цифрового капитала, акторы формирования цифрового капитала), методы измерения цифрового капитала (выявление индикаторов) и повышения уровня цифрового капитала (в том числе посредством медиаобразования и развития информационной/цифровой грамотности). Не менее значимым представляется нам изучение цифрового капитала с позиции «человека медийного», у которого в контексте современного информационного общества и появления новых медиакультур цифровой капитал становится отличительной чертой существования.

Наконец, важной представляется выработка стратегий преодоления цифрового неравенства на глобальном, национальном и региональном уровнях с учетом специфики регионов, чему может способствовать создание «цифрового паспорта региона». При этом выработка академического понимания общей уникальной модели цифрового неравенства в многонациональном российском обществе должно привести к разработке рекомендаций для представителей органов власти, местных предприятий и общественных организаций по преодолению цифрового неравенства на всех трех его уровнях.

Примечания

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31329.

[2] Europe's Way to the Information Society (1994) *An Action Plan. Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. COM (94) 347 final, 19 July 1994.*

[3] *World Summit on the Information* Society (2003) Switzerland. Available at: https://www.itu.int/net/wsis/ (accessed: 12.02.2021).

[4] Building the European Information Society for Us All (1996) *First Reflections of the High Level Group of Experts. Interim Report.* Brussels.

[5] Режим доступа: https://mediascope.net/news/1209287/ (дата обращения: 12.02.2021).

[6] Там же.

[7] Режим доступа: https://d-russia.ru/rosstat-opublikoval-dannye-po-proniknoveniju-shpd-v-regionah-rossii.html (дата обращения: 12.02.2021).

[8] Там же.

[9] Режим доступа: https://moscow.rt.ru/#internet (дата обращения: 12.02.2021).

[10] Режим доступа: https://sakha.rt.ru/#internet (дата обращения: 12.02.2021).

[11] Режим доступа: https://moskva.mts.ru/personal/mobilnaya-svyaz/tarifi/vse-tarifi/tarifishhe (дата обращения: 12.02.2021).

[12] Режим доступа: https://sakha.mts.ru/personal/mobilnaya-svyaz/tarifi/vse-tarifi/tarifishhe (дата обращения: 12.02.2021).

[13] Режим доступа: https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/ (дата обращения: 12.02.2021).

[14] Там же.

Библиография

Вартанова Е. Л. Концептуализация цифрового неравенства: основные этапы // МедиаАльманах. 2018. № 5. С. 8–12. DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2018.812

Вартанова Е. Л. Медиаобразование в контексте становления цифровой культуры общества // МедиаАльманах. 2019. № 4. С. 8–10. DOI: 10.30547/mediaalmanah.4.2019.819

Вартанова Е. Л., Гладкова А. А. Цифровой капитал в контексте концепции нематериальных капиталов // Медиаскоп. 2020. № 2. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/2614 (дата обращения: 12.02.2021). DOI: 10.30547/mediascope.1.2020.8

Гладкова А. А., Лазутова Н. М., Тихонова О. В., Черевко Т. С., Данилов А. П., Данилов А. А., Батршина Д. Н. Этнические СМИ России: содержательный анализ (на примере СМИ республик Татарстан и Чувашия) // Медиаскоп. 2018. № 1. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/2411 (дата обращения: 12.02.2021). DOI: 10.30547/mediascope.1.2018.1

Дунас Д. В., Вартанов С. А. Молодежный сегмент аудитории СМИ: теоретические подходы отечественных медиаисследователей // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. № 1 (30). С. 106–122. DOI: 10.17150/2308-6203.2020.9(1).106-122

Землянова Л. М. Современная американская коммуникативистика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995.

Землянова Л. М. Коммуникативистика и средства информации: Англо-русский толковый словарь концепций и терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.

Медиасистема России: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. *Е. Л. Вартановой*. М.: Аспект Пресс, 2015.

Фомичева И. Д. Социальный капитал в поле СМИ // Медиаскоп. 2015. № 1. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/1685 (дата обращения: 12.02.2021).

Acharya B. (2017) Conceptual evolution of the digital divide: A systematic review of the literature over a period of five years (2010–2015). *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies* 1: 41–74.

Alper M., Goggin G. (2017) Digital technology and rights in the lives of children with disabilities. *New Media & Society* 19 (5): 726–740. DOI: https://doi.org/10.1177/1461444816686323

Bell D. (1960) *The End of Ideology*. New York: Free Press.

Castells M. (1996) *The Information Age. Economy, Society and Culture. Vol. 1. The Rise of the Network Society*. Oxford: Blackwell.

Castells M. (2001) *The Internet galaxy.* Oxford: Oxford University Press.

Compaine B. (2001) *The digital divide: Facing a crisis or creating a myth?* Cambridge: MIT Press. DOI: https://doi.org/10.7551/mitpress/2419.001.0001

Deviatko I. (2013) Digitizing Russia. The uneven pace of progress towards ICT equality. In M. Ragnedda, G. W. Muschert (eds.) *The digital divide. The internet and social inequality in international perspective*. New York: Routledge. Pp. 118–133.

Dutton W. (ed.) (1995) *Information and Communication Technologies. Visions and Realities*. Oxford: Oxford University Press. Pp. 387–405.

Dutton W., Blumler J., Garnham N. et al. (1995) The Politics of Information and Communication Policy: The Information Superhighway. In W. H. Dutton (ed.) *Information and Communication Technologies. Visions and Realities*. Oxford: Oxford University Press.

Gladkova A., Argylov N., Shkurnikov M. *Exploring digital inclusion of ethnic groups in Russia: Comparative study of Russians and Yakuts* (forthcoming).

Gladkova A., Aslanov I., Danilov A. P., Danilov A. A., Garifullin V., Magadeeva R. (2019) Ethnic media in Russia: between state model and alternative voices. *Russian Journal of Communication* 11 (1): 53–70. DOI: https://doi.org/10.1080/19409419.2018.1564355

Gladkova A., Ragnedda M. (2020) Exploring digital inequalities in Russia: An interregional comparative analysis. *Online Information Review* 44 (4): 767–786. DOI: https://doi.org/10.1108/oir-04-2019-0121

Gladkova A., Vartanova E., Ragnedda M. (2020) Digital divide and digital capital in multiethnic Russian society. *Journal of Multicultural Discourses* 15 (2): 126–147. DOI: https://doi.org/10.1080/17447143.2020.1745212

Helsper E. (2008) *Digital inclusion: an analysis of social disadvantage and the information society.* Department for Communities and Local Government. London.

Masuda Y. (1981) *The Information Society as Post-Industrial Society*. Word-Future Society.

Mutsvairo B., Ragnedda M. (2019) *Mapping the Digital Divide in Africa: A Mediated Analysis*. Amsterdam: Amsterdam University Press. DOI: 10.5117/9789462986855

Nieminen H. (2016) The digital divide and beyond: What do we know of information and communications technology's long-term social effects? Some uncomfortable questions. *European Journal of Communication* 31 (1): 19–32. DOI: https://doi.org/10.1177/0267323115614198

Nordenstreng K., Zassoursky Y., Vartanova E. (eds.) (2002) *Russian media challenge*. Helsinki: Kikimora Publications.

Norris P. (2001) *The digital divide: Civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9781139164887

Park S. (2017) *Digital capital*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/978-1-137-59332-0

Ragnedda M., Muschert G. W. (eds.) (2013) *The digital divide. The internet and social inequality in international perspective*. New York: Routledge.

Ragnedda M. (2018) Conceptualizing digital capital. *Telematics and Informatics* 35: 2366–2375. DOI: https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.10.006

Ragnedda M., Gladkova A. (2020) *Digital Inequalities in the Global South*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-030-32706-4

Ragnedda M., Ruiu M. L. (2020) *Digital Capital: A Bourdieusian Perspective on the Digital Divide*. London: Emerald Publishing Ltd.

Ragnedda M., Ruiu M. L., Addeo F. (2019) Measuring Digital Capital: An empirical investigation. *New Media & Society* 1: 1–24. DOI: https://doi.org/10.1177/1461444819869604

Sparks C. (2013) What is the the 'digital divide' and why is it important? *Javnost – the Public* 20 (2): 27–46. DOI: https://doi.org/10.1080/13183222.2013.11009113 Лишнее слово

Toffler A. (1980) *The Third Wave*. New York: Bantam Books.

Trappel J. (ed.) (2019) *Digital Media Inequalities: Policies against Divides, Distrust and Discrimination*. Goteborg: Nordicom.

van Deursen A., Helsper E. (2015) The third-level digital divide: Who benefits most from being online? In L. Robinson, S. R. Cotten, J. Schulz, T. M. Hale, A. Williams (eds.) *Communication and Information Technologies Annual (Studies in Media and Communications, Volume 10)*. Emerald Group Publishing Limited. Pp. 29–52.

van Deursen A., van Dijk J. (2018) The first-level digital divide shifts from inequalities in physical access to inequalities in material access. *New Media & Society* 1: 1–22. DOI: https://doi.org/10.1177/1461444818797082

van Dijk J. (2013) A theory of the digital divide. In M. Ragnedda, G. W. Muschert (eds.) *The digital divide. The internet and social inequality in international perspective*. New York: Routledge. Pp. 28–51.

Vartanova E., Gladkova A. (2019) New forms of the digital divide. In J. Trappel (ed.) *Digital Media Inequalities: Policies against Divides, Distrust and Discrimination*. Goteborg: Nordicom. Pp. 191–211.

Webster F. (1997) *Theories of Information Society*. London: Routlege.

Wessels B. (2013) The reproduction and reconfiguration of inequality: Differentiation and class, status, and power in the dynamics of the digital divides. In M. Ragnedda, G. W. Muschert (eds.) *The digital divide. The internet and social inequality in international perspective*. New York: Routledge. Pp. 17–28.

Notes

Available at: https://mediascope.net/news/1209287/ (accessed: 12.02.2021).

Available at: https://d-russia.ru/rosstat-opublikoval-dannye-po-proniknoveniju-shpd-v-regionah-rossii.html (accessed: 12.02.2021).

Available at: https://moscow.rt.ru/#internet (accessed: 12.02.2021).

Available at: https://sakha.rt.ru/#internet (accessed: 12.02.2021).

Available at: https://moskva.mts.ru/personal/mobilnaya-svyaz/tarifi/vse-tarifi/tarifishhe (accessed: 12.02.2021).

Available at: https://sakha.mts.ru/personal/mobilnaya-svyaz/tarifi/vse-tarifi/tarifishhe (accessed: 12.02.2021).

Available at: https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/ (accessed: 12.02.2021).

Building the European Information Society for Us All (1996) *First Reflections of the High Level Group of Experts. Interim Report*. Brussels.

Europe's Way to the Information Society (1994) *An Action Plan. Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. COM (94) 347 final, 19 July 1994.*

World Summit on the Information Society (2003) Switzerland. Available at: https://www.itu.int/net/wsis/ (accessed: 12.02.2021).

References

Acharya B. (2017) Conceptual Evolution of the Digital Divide: a Systematic Review of Literature over a Period of Five Years (2010-2015). *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies* 1: 41–74.

Alper M., Goggin G. (2017) Digital Technology and Rights in the Lives of Children with Disabilities. *New Media & Society* 19 (5): 726–740. DOI: https://doi.org/10.1177/1461444816686323

Bell D. (1960) *The End of Ideology*. New York: Free Press.

Castells M. (1996) *The Information Age. Economy, Society and Culture. Vol. 1. The Rise of the Network Society*. Oxford: Blackwell.

Castells M. (2001) *The Internet Galaxy.* Oxford: Oxford University Press.

Compaine B. (2001) *The Digital Divide: Facing a Crisis or Creating a Myth?* Cambridge: MIT Press. DOI: https://doi.org/10.7551/mitpress/2419.001.0001

Deviatko I. (2013) Digitizing Russia. The Uneven Pace of Progress Towards ICT Equality. In M. Ragnedda, G. W. Muschert (eds.) *The Digital Divide. The Internet and Social Inequality in International Perspective*. New York: Routledge. Pp. 118–133.

Dunas D. V., Vartanov S. A. (2020) Molodezhnyy segment auditorii SMI: teoreticheskie podkhody otechestvennykh mediaissledovateley [The Youth Segment of the Media Audience: Theoretical Approaches of Russian Media Researchers]. *Theoretical and Practical Issues of Journalism* 1 (30): 106–122. DOI: 10.17150/2308-6203.2020.9(1).106-122

Dutton W. (ed.) (1995) *Information and Communication Technologies. Visions and Realities*. Oxford: Oxford University Press. Pp. 387–405.

Dutton W., Blumler J., Garnham N. et al. (1995) The Politics of Information and Communication Policy: the Information Superhighway. In W. H. Dutton (ed.) *Information and Communication Technologies. Visions and Realities*. Oxford: Oxford University Press.

Fomicheva I. D. (2015) Sotsial'nyy kapital v pole SMI [Social Capital in Mass Media]. *Mediascope* 1. (In Russian). Available at: http://www.mediascope.ru/1685 (accessed: 12.02.2021).

Gladkova A., Argylov N., Shkurnikov M. *Exploring Digital Inclusion of Ethnic Groups in Russia: a Comparative Study of Russians and Yakuts* (forthcoming).

Gladkova A., Aslanov I., Danilov A. P., Danilov A. A., Garifullin V., Magadeeva R. (2019) Ethnic Media in Russia: Between the State Model and Alternative Voices. *Russian Journal of Communication* 11 (1): 53–70. DOI: https://doi.org/10.1080/19409419.2018.1564355

Gladkova A. A., Lazutova N. M., Tikhonova O. V., Cherevko T. S., Danilov A. P., Danilov A. A., Batrshina D. N. (2018) Etnicheskie SMI Rossii: soderzhatel'nyy analiz (na primere SMI respublik Tatarstan i Chuvashiya) [Russian Ethnic Media: Content Analysis (a Case Study of Media in the Republics of Tatarstan and Chuvashiya]. *Mediascope* 1. (In Russian). Available at: http://www.mediascope.ru/2411 (accessed: 12.02.2021). DOI: 10.30547/mediascope.1.2018.1

Gladkova A., Ragnedda M. (2020) Exploring Digital Inequalities in Russia: an Interregional Comparative Analysis. *Online Information Review* 44 (4): 767–786. DOI: https://doi.org/10.1108/oir-04-2019-0121

Gladkova A., Vartanova E., Ragnedda M. (2020) Digital Divide and Digital Capital in Multiethnic Russian Society. *Journal of Multicultural Discourses* 15 (2): 126–147. DOI: https://doi.org/10.1080/17447143.2020.1745212

Helsper E. (2008) *Digital Inclusion: an Analysis of Social Disadvantage and the Information Society.* Department for Communities and Local Government. London.

Masuda Y. (1981) *The Information Society as Post-Industrial Society*. Word-Future Society.

Mutsvairo B., Ragnedda M. (2019) *Mapping the Digital Divide in Africa: a Mediated Analysis.* Amsterdam: Amsterdam University Press. DOI: 10.5117/9789462986855

Nieminen H. (2016) The Digital Divide and Beyond: What Do We Know of Information and Communications Technology's Long-Term Social Effects? Some Uncomfortable Questions. *European Journal of Communication* 31 (1): 19–32. DOI: https://doi.org/10.1177/0267323115614198

Nordenstreng K., Zassoursky Y., Vartanova E. (eds.) (2002) *Russian Media Challenge*. Helsinki: Kikimora Publications.

Norris P. (2001) *The Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9781139164887

Park S. (2017) *Digital Capital*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/978-1-137-59332-0

Ragnedda M., Muschert G. W. (eds.) (2013) *The Digital Divide. The Internet and Social Inequality in International Perspective*. New York: Routledge.

Ragnedda M. (2018) Conceptualizing Digital Capital. *Telematics and Informatics* 35: 2366–2375. DOI: https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.10.006

Ragnedda M., Gladkova A. (2020) *Digital Inequalities in the Global South*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-030-32706-4

Ragnedda M., Ruiu M. L. (2020) *Digital Capital: a Bourdieusian Perspective on the Digital Divide*. London: Emerald Publishing Ltd.

Ragnedda M., Ruiu M. L., Addeo F. (2019) Measuring Digital Capital: an Empirical Investigation. *New Media & Society* 1: 1–24. DOI: https://doi.org/10.1177/1461444819869604

Sparks C. (2013) What Is the 'Digital Divide' and Why Is It Important? *Javnost – the Public* 20 (2): 27–46. DOI: https://doi.org/10.1080/13183222.2013.11009113

Toffler A. (1980) *The Third Wave*. New York: Bantam Books.

Trappel J. (ed.) (2019) *Digital Media Inequalities: Policies against Divides, Distrust and Discrimination*. Goteborg: Nordicom.

van Deursen, A., Helsper E. (2015) The Third-Level Digital Divide: Who Benefits Most from Being Online? In L. Robinson, S. R. Cotten, J. Schulz, T. M. Hale, A. Williams (eds.) *Communication and Information Technologies Annual (Studies in Media and Communications, Volume 10)*. Emerald Group Publishing Limited. Pp. 29–52.

van Deursen A., van Dijk J. (2018) The First-Level Digital Divide Shifts from Inequalities in Physical Access to Inequalities in Material Access. *New Media & Society* 1: 1–22. DOI: https://doi.org/10.1177/1461444818797082

van Dijk J. (2013) A Theory of the Digital Divide. In M. Ragnedda, G. W. Muschert (eds.) *The Digital Divide. The Internet and Social Inequality in International Perspective*. New York: Routledge. Pp. 28–51.

Vartanova E. L. (ed.) (2015) *Mediasistema Rossii: ucheb. posobie dlya studentov vuzov* [The Russian Media System: a Study Guide for University Students]. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russian)

Vartanova E. L. (2018) Kontseptualizatsiya tsifrovogo neravenstva: osnovnye etapy [Conceptualization of Digital Inequalities: Major Stages]. *MediaAl'manah* 5: 8–12. DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2018.812 (In Russian)

Vartanova E. L. (2019) Mediaobrazovanie v kontekste stanovleniya tsifrovoy kul'tury obshchestva [Media Education in the Context of the Rise of Societal Digital Culture]. *MediaAl'manah* 4: 8–10. DOI: 10.30547/mediaalmanah.4.2019.819 (In Russian)

Vartanova E., Gladkova A. (2019) New Forms of the Digital Divide. In J. Trappel (ed.) *Digital Media Inequalities: Policies against Divides, Distrust and Discrimination*. Goteborg: Nordicom. Pp. 191–211.

Vartanova E. L., Gladkova A. A. (2020) Tsifrovoy kapital v kontekste kontseptsii nematerial'nykh kapitalov [Digital Capital in the Context of the Concept of Intangible Capitals]. *Mediascope* 2. (In Russian). Available at: http://www.mediascope.ru/2614 (accessed: 12.02.2021). DOI: 10.30547/mediascope.1.2020.8

Webster F. (1997) *Theories of Information Society*. London: Routlege.

Wessels B. (2013) The Reproduction and Reconfiguration of Inequality: Differentiation and Class, Status, and Power in the Dynamics of the Digital Divides. In M. Ragnedda, G. W. Muschert (eds.) *The Digital Divide. The Internet and Social Inequality in International Perspective*. New York: Routledge. Pp. 17–28.

Zemlyanova L. M. (1995) *Sovremennaya amerikanskaya kommunikativistika* [Modern American Communication Studies]. Moscow: Moscow State Univ. Publ. (In Russian)

Zemlyanova L. M. (2004) *Kommunikativistika i sredstva informatsii: Anglo-russkiy tolkovyy slovar' kontseptsiy i terminov* [Communication Studies and Mass Media: English-Russian Explanatory Dictionary of Concepts and Terms]. Moscow: Moscow State Univ. Publ. (In Russian)

Поступила в редакцию
15.01.2020